

Чэн Фэнтай не отвечал, лишь смотрел на него с лёгкой улыбкой, и выражение его лица сегодня отличалось от обычного. Из улыбки исчезла прежняя наглая бесцеремонность, она стала утончённой и мягкой, словно таила в себе тысячи слов, отчего он выглядел как серьёзный, порядочный человек. Только едва уловимая искра соблазна в его глазах никуда не делась — он всё ещё был тем самым красавчиком.

Шан Сижуй снова спросил:

— Куда мы направляемся?

Чэн Фэнтай медленно ответил:

— Хочу пригласить господина Шана на ужин. Что бы вы хотели?

Шан Сижуй, не задумываясь, сказал:

— Хочу чего-нибудь сладкого.

Они сидели в полумраке кафе. Чэн Фэнтай заказал для Шан Сижую шоколадный торт и бисквит с джемом, а себе — только чашку кофе. Шан Сижуй огромными ложками уплетал крем, демонстрируя поистине зверский аппетит. Чэн Фэнтай курил сигарету, наблюдая за ним.

Шан Сижуй облизал ложку и сказал:

— Почему вы тогда ушли? Я вас везде искал.

Он поднял взгляд на Чэн Фэнтая. Глаза актёра, закалённые сценой, в тусклом свете казались особенно яркими, блестящими и прекрасными.

— А как вам «Дворец вечной жизни»? Понравилось?

Если бы он не упомянул «Дворец вечной жизни», Чэн Фэнтай, возможно, и промолчал бы. Но раз уж Шан Сижуй сам заговорил, то Чэн Фэнтай не смог сдержать накопившиеся за несколько дней восторги и начал пространно, с чувством излагать свои впечатления. Рассказывал, как трогательна и гениальна эта постановка. Его красноречие было отменным, годы изучения британской драматургии в университете не прошли даром, и, видимо, похвалы звучали очень точно и по делу. Шан Сижуй был и удивлён, и тронут, хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Мне тоже чрезвычайно нравится эта часть... Да, ту строчку из арии заметили только вы.

Хотя внутренний мир Шан Сижую был пустынен и холоден, словно у духа, скитающегося в мире театра тысячу лет, в реальной жизни он оставался незрелым юношей, жаждущим всеобщего восхищения, страсти и поклонения. Чэн Фэнтай, восторженно оценив и его игру, и его самого, попал каждым словом прямо в самое сердце, отчего Шан Сижую стало немного мутно в голове.

С улыбкой Шан Сижуй отхлебнул кофе. Он был горьким и обжёг язык. Он добавил в чашку два

кусочка сахара, но, размешав их, пить больше не стал. Всё его внимание было поглощено речью Чэн Фэнтая. Чэн Фэнтай, обычно казавшийся легкомысленным и несерьёзным, в моменты эмоционального подъёма представлял совсем другим человеком: его речь становилась образной и поэтической, он курил, хмурил брови, а его взгляд был глубоким и меланхолическим — словно странствующий бард из пьесы, с аурой загадочной глубины.

Шан Сижуй никогда не думал, что такой современный человек, как Чэн Фэнтай, может любить его спектакли, да ещё и так глубоко. Это уже выходило за рамки простого удивления, это было настоящее чудо.

Чэн Фэнтай сказал:

— Раньше я всегда считал, что, как бы хорошо актёр ни играл, человек и роль — вещи разные. Но с тобой я чувствую, что это одно целое.

Шан Сижуй ответил:

— Потому что я играю душой.

Чэн Фэнтай затянулся сигаретой, вдумчиво обдумывая эти слова, пытаясь совместить в голове личность Шан Сижуй и его сценические образы. Шан Сижуй говорил: «Ради старшей сестры я готов умереть!» — и тогда Ян Гуйфэй повесилась на холме Мавэй. Ян Гуйфэй, осыпанная милостями императора, обладательница несметных богатств и роскоши, в конце концов была предана любимым человеком и вынуждена была умереть в одиночестве. Шан Сижуй, знаменитый актёр, сияющая звезда театрального мира, тоже был окружён славой и блеском. Но те, кого он любил, бросили его, оставив одного в этом брэнном мире, одинокого и беззащитного. Если посмотреть так, то Шан Сижуй и Ян Гуйфэй на самом деле очень похожи.

Размышляя об этом, Чэн Фэнтай почувствовал, как сердце его забилось чаще и дрогнуло, ему стало беспокойно сидеть. Его взгляд, полный боли и страсти, был устремлён на Шан Сижуй, как и в ту ночь в Сяншане, когда он вёл себя подчёркнуто правильно и почтительно, но теперь в его глазах было больше нежности.

Было уже за час ночи. За окном клубился снежный туман. В кафе остались только они двое да пара иностранных влюблённых, что сидели, прильнув головами друг к другу и перешёптываясь. Официант украдкой зевнул, его веки тяжелели. Шан Сижуй замолчал, следуя за молчанием Чэн Фэнтая. Оба они были слишком взволнованы, за один вечер, казалось, высказали всё, что можно было сказать за целую жизнь, и теперь им требовалось время, чтобы всё осмыслить и переварить. Но содержание этих размышлений уже не имело отношения к театру. Чэн Фэнтай внутренне принял решение, а Шан Сижуй, казалось, предчувствовал это. Один собрался с духом, готовый действовать, другой с нетерпением ждал. В их тишине таилось волнение, отчего плавно текущее время словно издавало лёгкий шорох, подобный пустой дорожке на граммофонной пластинке, всегда готовой к первому звуку.

Наконец Чэн Фэнтай серьёзно произнёс его имя:

— Шан Сижуй...

Шан Сижуй откликнулся:

— Да, второй господин.

Чэн Фэнтай сделал паузу, затушил окурок, оперся локтями на стол и глухо произнёс:

— Если ты захочешь, я всегда буду с тобой.

Шан Сижуй не понял его намерений, замер на мгновение и пробормотал:

— Второй господин, это...

Чэн Фэнтай сказал:

— Я знаю, что вокруг тебя наверняка много людей, но я буду для тебя самым особенным.

Сердце Шан Сижую заколотилось, как барабан:

— Вы и правда необычны. Но... почему вдруг...

В глазах Чэн Фэнтая вспыхнула нежность, тонкими, едва уловимыми нитями затягивая в сети:

— Если ты Ян Гуйфэй, тебе нужен император Мин-хуан; если ты Юйцзи, тебе нужен Владыка Западного Чу. Сейчас ты один, а один — это ещё не спектакль.

Шан Сижуй смотрел на него ошеломлённо, голос его дрожал:

— Второй господин... вы хотите стать моей сценой?

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Да. Спой на моих ладонях!

Сказав это, он увидел, как в глазах Шан Сижую медленно навернулись слёзы. Его слова попали точно в цель.

— Тогда я боюсь, что никогда не вырвусь из ваших пяти гор.

Их чувства родились из театра, и слова признания тоже звучали как строки из пьесы. Чэн Фэнтай сначала волновался, не слишком ли внезапным было его нынешнее признание, но, увидев, как Шан Сижуй заплакал, понял: тот ждал такого человека уже очень давно.

Шан Сижуй опустил голову, и две слезинки упали вниз. Чэн Фэнтай подошёл, поднял его со стула, обнял и похлопал по спине.

Шан Сижуй шмыгнул носом и сказал:

— Второй господин, дайте мне подумать.

Он не знал, сможет ли он после Цзян Мэнпин снова искренне полюбить кого-то. Она ранила его так глубоко, что, казалось, истощила весь его душевный пыл и жизненные силы.

Чэн Фэнтай тихо усмехнулся:

— Хорошо. Подумай. Я подожду. Жду, чтобы пройти с господином Шаном...

Когда Шан Сижуй заплакался, Чэн Фэнтай проводил его домой, всю дорогу держа за руку. На месте он что-то прошептал ему на ухо. Шан Сижуй кивнул, неохотно вышел из машины, и Чэн Фэнтай дождался, пока тот войдёт в дом, прежде чем велеть Старине Гэ ехать. Старина Гэ, увидев, как нежно они прощались, всё понял и нарочно вёл машину медленно, словно разделяя нежелание Чэн Фэнтая расставаться.

Сяо Лай, открыв дверь, как раз увидела удаляющиеся огни автомобиля и невольно нахмурилась. А затем она разглядела, что у Шан Сижую влажные глаза, красный нос, а на губах и в уголках бровей играет смутная, опьянённая улыбка. Сердце Сяо Лай ёкнуло — она не видела такого живого, одухотворённого выражения на его лице уже четыре года. После происшествия в Пинъяне Шан Сижуй получил глубокую душевную травму, и некогда живой, ловкий юноша стал ко всему относиться с ленцой и апатией, говорил меньше, чем раньше, и в целом стал холоднее. Порой на его лице появлялась улыбка, но в душе не было настоящей радости; и радость, и гнев были поверхностными, не затрагивающими сердца. Казалось, после событий в Пинъяне большая часть души Шан Сижую умерла. Но сегодня он вдруг от всего сердца засиял и рассмеялся, и это напугало Сяо Лай ещё больше.

Шан Сижуй ничего не заметил, прошёл мимо Сяо Лай, разматывая шарф. Размотав до половины, он вспомнил, что это второй господин только что собственноручно накинул его ему на плечи, и рука его замерла, а улыбка на лице стала ещё глубже. Он взмахнул шарфом, как водяным рукавом, набрал полную грудь воздуха и громко прокричал во дворе:

— А! Наложница! Позволь же мне пройти с тобой!

Его звонкий, будто отлитый из золота и серебра голос, хоть и принадлежал исполнителю женских ролей, по силе превосходил мужские амплуа. Этот крик пробил тридцать три небесных слоя и перевернул алхимическую печь Лао-цзюня. Ночь была уже глубока, и от его внезапного возгласа на востоке заплакали дети, на западе залаяли собаки, переполошив всех соседей в радиусе двух ли, а снег с крыш посыпался хлопьями. А какой-то знаток театра, услышав этот крик, вскочил с постели во сне и, сквозь множество дворов, крикнул в ответ:

— Господин Шан! Браво!

Шан Сижуй поднял руки, сложив ладони, и поклонился в знак благодарности зрителям.

<http://bllate.org/book/15435/1368575>